

УДК 81'42
ББК 81.001.6

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ТЕКСТА «СЛОВА-ПОУЧЕНИЯ» КАК РИТОРИЧЕСКОГО ЖАНРА (ДИСПОЗИЦИЯ)

Д.Р. Колосов

В статье описан механизм создания сакрального риторического текста по схеме «триада языковых средств». Выявлены основные средства языка, участвующие в организации текстового пространства Слова-поучения посредством данной схемы. Сделано предположение об источниках развития стиля «плетение словес» в русской литературе.

Ключевые слова: структура текста, Слово-поучение, ораторская проза, триада, текстовая формула, языковое средство, когезия, концепт изложения.

«Слово» представляет собой разновидность ораторской учительной прозы, то есть в качестве самостоятельного жанра должно рассматриваться как произведение риторики. Подходя к «Слову» с этих риторических позиций, имеет смысл рассмотреть такие традиционно выделяемые компоненты, формирующие произведение, как модель и методы изложения, типы представленной аргументации, средства топики (топосы) и диспозиции.

В данной работе мы коснемся отдельных особенностей диспозиции Слова, наметим схему организации текста, охарактеризуем грамматические и лексико-грамматические средства ее реализации. Материалом исследования служат тексты Слов-поучений, входящих в сборник «Златая Цепь» Троице-Сергиевой лавры по академическому изданию¹.

Диспозиция традиционно понимается как искусство развертывания сообщения, или, «говоря современным языком, искусство композиции» [1, с. 62], и включает в себя работу по отбору сведений (фактов), по установлению «четкого членения сообщения» и обеспечению «внутренней связности между его частями» [там же]. Универсальная композиционная схема сообщения, выработанная еще в античных риториках и представляющая собой совокупность «вступления, основной части, заключе-

ния и отступлений» [1, с. 63], в рассмотренных нами текстах обладает рядом особенностей.

Основная часть Слова как риторического текста характеризуется: 1) блочной структурой текста; 2) контаминацией элементов основной части – смешением собственно изложения и аргументации; 3) обилием топосов; 4) использованием при создании микроконтекста и контекста троичной символики на семантическом и грамматическом уровнях; 5) предпочтением в качестве порядка изложения модели *in medias res* – «по существу дела».

Последнее происходит в большинстве случаев с вынесением следствия, а не причины на первое место и последующим объяснением этого следствия. Модель *ab ovo* – исторический (или хронологический) порядок изложения, также представленная в большинстве текстов, играет подчиненную роль: используется при включении в качестве наглядных примеров агиографических описаний (в том числе евангельского).

Так, в тексте № 1 «концепт изложения» (текстовая реализация концепта – термин Л.П. Клименко) «вера» репрезентирован тремя формами императива (*имеите веру праву... послушания блюдитесь да не погибнете*). За ним следует аргументация (сравнение с библейским событием): *якоже бе погильь первозданыи Адамъ Евгою ослушавшеся Бога*. Мысль уточняется: формула *веру имеите праву* разворачивается до формулы *любовь же имеите ко всемъ ладну*. Замена

одной формулы другой подчеркивает суть «веры», реализующейся в «любви». Экспликация второго концепта изложения – «любовь» – также сопровождается аргументацией: *якоже и Христось ко всему миру не избирая дая намъ весь образъ собою* (далее следует развернутое повествование об основных вехах жизненного пути Сына Божия от рождения до воскресения – пример хронологического развертывания изложения).

Завершается развитие изложения совмещением заявленных в начале двух концептов («вера» и «любовь») как концептов изложения в одной текстовой формуле: *все же то створи любовью и верою да научить ны собою хитростью ко спасению хотя ны спасти от муки въ преидуции век.* Здесь же «закольцовывается» композиция (использование формы обращения *чада моя милая* и употребление форм императива в зачине и в начале основной части): *да научить ны... хотя ны спасти от муки.* Форма винительного падежа множественного числа личного местоимения первого лица коррелирует с существительным *чада* в вокативе (зачин).

Еще одним способом установить связь между концом Слова и зачином является употребление формулы *научить ны собою*, которая, продолжая и завершая линейное повествование о жизни Иисуса, также соотносится с первой фразой зачина *имеите веру праву к Богу Отца и Сына и Святаго Духа потомже в послушаньи святыхъ его апостоль и святыхъ отць иже пострадаша Христа ради во вся дни живота своего.* Форма местоимения *собою* в конце Слова оказывается семантически синкретичной: указывая на Иисуса как личность (после евангельского сюжета), она одновременно – через логическую связку (*вера к Богу – Христос – собою*) – соотносится с развертываемым в зачине и начале главной части сложным образом Бога (*Богу Отца и Сына и Святаго Духа*) и дальнейшим расширением этого образа (включающим уже апостолов и святых отцов). Итак, основная структура текста опирается на искусственное построение события, тогда как средства аргументации выстраиваются в линейный, хронологический порядок.

В последовательности развертывания приведенного последним образа в составе

«рамочной композиции» мы видим классическую схему семантико-синтаксического развития контекста по схеме 1=3: Бог¹ (*вера к Богу*) + (Бог² = *Бог Отца и Сына и Святаго Духа*) + (Бог³ = *Троица + апостолы + святые отцы*) = Бог (*собою*).

Принцип «разложения» мысли на троичные структуры неоднократно представлен в тексте № 1 и далее. Так, в главной (основной) части это конкретизация объекта формулы *любовь же имеите ко всемъ ладну*, когда определительное местоимение *ко всемъ* разворачивается на следующем листе (л. 1г) в троичный ряд: *и къ богату и ко убогу + и к нищимъ и к беднымъ + и в узахъ стражующихъ.* Единство ряда задается синтаксически (посредством общности функции объекта и использованием повторяющегося союза) и семантически: в первой паре совмещены антонимичные образы, во второй – синонимичные, вместо третьей пары – обобщенный образ, заданный словосочетанием, то есть три разных вида отношений совмещаются в едином представлении (*ко всемъ*), что затем подчеркивается в аргументе *якоже и Христось ко всему миру не избирая* с повтором формы местоимения. Так устанавливается связь между планом изложения и планом аргументации и возникает еще одна троичная конструкция: *ко всемъ = (a¹ > b¹) + (a² = b²) + (ab³) = ко всему миру.* Можно наблюдать и иные схемы организации контекста по принципу «утроения» образов, в первую очередь за счет использования глагольных финитных форм и причастий.

В тексте № 3 (Слово о суседе, л. 2в) и других, построенных подобным образом, модель повествования «по существу дела» становится еще более очевидной: *Сусѣда же не обидите и не отемлите земли его рече бо Моисѣви Бъ пришельца суца не обидите.* Трехчленная схема развертывания контекста опирается на лексический повтор глагольной формы *не обидите – не обидите*, где первый элемент находится в однородной связи с однотипной формой императива *не отемлите*. Связь подкреплена использованием притяжательного местоимения *его* и соединительного союза *и*. Парная конструкция осложняется третьим элементом в составе апелляции к авторитету – ссылки на библейское повествование: *Пришельца не притесняй и не угнетай его,*

ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской (Исход 21:21). Сакрализация действия приобретает грамматически выраженный план – это триада императивных форм.

Далее разворачивается топос «пример», также строящийся как триада на базе парных номинаций. Первый элемент триады содержит парное сочетание *Ахавъ и Езавель*, второй – аналогичное *Дафанъ и Авиронъ*, третий – единичную номинацию *Еудоксия цесарица*, поддержанную в составе высказывания обстоятельством времени *при Златоустѣмъ же Иоанне* (в контексте тоже представлены два имени собственных, хотя и не в паратактическом отношении друг к другу).

Схема выстраивания этой триады повторяет схему предыдущей: два элемента предполагаются соотношенными с третьим как со ссылкой на авторитет (в данном случае это – указание на Иоанна Златоуста), а, следовательно, первые два элемента должны иметь максимальное грамматическое сходство. Выше это сходство достигнуто повтором формы императива, здесь – повтором парного сочетания имен собственных в форме именительного падежа. При этом возникло нарушение синтаксических связей внутри конструкции второго элемента: вместо сказуемого в действительном залоге (сравните в первом элементе: *Ахавъ бо и Езавель погубоста*) здесь (во втором элементе) предполагалось сказуемое в страдательном, однако необходимость соблюдения грамматической стереотипности элементов триады вынудила автора использовать действительный залог *такоже я поглоти земля имениа ради неправеднаго*. В результате парное сочетание *Дафанъ и Авиронъ* оказывается не прямым дополнением в конструкции с действительным залогом (например, *Дафана и Авирона поглоти земля*) и не подлежащим в конструкции со страдательным залогом (например, *Дафанъ и Авиронъ от земля поглощени быста*), а своего рода «именительным темой» для присоединенной бессоюзным способом пояснительной части элемента: *Дафанъ же и Авиронъ такоже я поглоти земля...*

В третьем элементе опорное имя собственное *Еудоксия* также употреблено в форме именительного падежа и выступает как подлежащее. Во всех трех составляющих сохраняется представление о действующем

лице, действия которого и приводят к его гибели. Результативная семантика оформляется аористными формами *погубоста – поглоти – погубе* (переход от двойственного к единственному через посредство бессоюзной конструкции сам по себе выразителен в плане создания трехчленной конструкции на основе парных: 2–1–1=3!).

Мотивация результата также представлена стереотипными единицами на уровне словообразования и синтаксиса. Это косвенные дополнения, выраженные именами отвлеченного действия с суффиксом *-ние* в родительном падеже с послелогом *ради*: *отнимания ради земнаго – имениа ради неправеднаго – отнимания ради неправдою виноградною* (лексический, буквальный повтор деривата *отнимания* в первом и третьем элементах и корневой повтор *неправеднаго – неправдою* во втором и третьем элементах подчеркивают целостность троичной конструкции).

Финаль текста предполагает поворот структуры от абсолютной единичности к множественности, от сакральных фигур к профанным потребностям и актуализирует идею Слова-поучения. Соответственно, создается трехчленная градация с ослаблением сакральной семантики *Бог – человек – многие* (люди) в пределах простого предложения от подлежащего к косвенным дополнениям, связанным градационным союзом *не... , но... ,* а завершает текст форма обращения *чада* в составе традиционной формулы *чада моя*, устанавливающая, как мы писали ранее, отношение триединства «паства = чада – проповедник – Бог». Состав сказуемого в последнем предложении включает две однородные императивные формы *блюдется и не отимаите*, подчеркивая сакральную суть наставления, заданную формой обращения *чада*: Бог и проповедник вместе и каждый по-своему обращаются к пастве. Корневой повтор *не отемлите – не отимаите*, одинаковое число форм сказуемого в первом и последнем предложениях и совпадение грамматической формы (императива) формируют своего рода «кольцевую композицию» Слова на грамматическом уровне.

Троичные схемы развертывания текстового пространства наблюдаем и в Слове о посте (текст № 2). Рассмотрим основные

триады однокорневых и грамматически связанных форм в этом тексте.

В тезисе 1: *Послушайте* (в зачине) >> *имеите* (пост) >> *да примете* (светлость) – троичное построение от формы императива; *Постъ чистъ имеите къ Богу* >> *егда достоинъ поститися* >> *въ постныя дни* – троичное употребление корневой морфемы *-пост-*.

В комментарии 1 (в примере): *Яко же Моисеи и яко Илья постомъ и молитвою огонь угасиша тако же и вы постящися* – троичное именование «*Моисей* >> *Илья* >> *вы*», организуемое парной схемой (корневой повтор *постом* – *постящися* и конструкция с двойным союзом *яко* и *яко* – *так*); *Постящися нищим раздрабляйте хлебъ свои* >> *убогия милуйте* >> *и седяща присецайте* – триада императивных форм (*раздрабляйте* – *милуйте* – *присецайте*) с распространителями местоименного склонения (*нищим* – *убогия* – *седяща*). Первый компонент триады содержит дополнительный распространитель в винительном падеже *хлебъ свои*, объект диктуемого действия оказывается в дательном, следующие два объекта – уже в винительном падеже прямого объекта, то есть грамматическая сочетаемость определяет относительное увеличение объема первой формулы по сравнению со следующими. Предполагается градация от простейшего действия к абстрактному восприятию (она уже была заявлена в тезисе и в первом примере), а следовательно, второй компонент триады должен быть уточнен относительно третьего, но при этом не до «буквальной простоты» действия в первом компоненте. Это достигается в тексте введением во второй компонент зависимой триады – расшифровки сочетания *убогия милуйте* в ряду *и нищихъ* и *немоцныхъ* и *на улицахъ лежащихъ*. Первый ее компонент за счет лексического повтора (*нищим* – *нищихъ*) коррелирует с формулой «простейшего действия» (*нищим раздрабляйте хлебъ свои*) и указывает на изменение падежного управления на дальнейшем пространстве контекста (от дательного к винительному), создавая когезийную цепочку между разными формами косвенных падежей. Последний компонент зависимой триады выполняет ту же функцию в отношении словообразовательно различных распространителей, делая возможной замену оты-

менного производного (*нищий* >> *убогий*) отглагольным (*лежащихъ* >> *седяща*). При этом причастные формы не равноправны, так как у первой из них – в подчиненной, меньшей триаде – есть именной распространитель *на улицахъ*, а вторая из них уже выступает как самостоятельная синкрета, не требующая уточнения, будучи последним, наиболее «абстрактным» компонентом основной градации от конкретного к отвлеченному, от практического милосердия к осмыслению этого милосердия как свойства человека (ср.: *да примете светлость*).

В комментарии 2 (в наставлении): *Суцая же в темници и беде милуйте и утешайте* >> *нагья одевайте* >> *сиротъ домашнихъ не обидите но паче милуйте*. Продолжение заданного тезиса разворачивается еще в ряде императивных формул, также имеющих троичную структуру. Что обращает на себя внимание в этой триаде? Относительная сложность первого и последнего компонентов по сравнению со средним. Так, первый компонент содержит две пары однородных членов – парное сочетание императивных форм *милуйте* и *утешайте* с дополнением прямого объекта, имеющим распространитель также в виде парной формулы *в темници* и *в беде*, то есть используется схема $a + b$ ($a + b$). Третий элемент триады содержит противопоставленную с помощью противительного союза *но* пару однородных императивов *не обидите но паче милуйте* – схема $a > b$ с одиночным распространителем прямого объекта, также имеющим при себе определение (здесь согласованное). Итак, структура, представленная схемой $(a^1 > b^1) + (a^2 = b^2) + (ab^3) = 3$ и описанная для текста № 1, проявляется и здесь неоднократно, в последнем рассматриваемом случае с иным порядком компонентов: $(a^1 = b^1) + (ab^2) + (a^3 > b^3) = 3$. Однако, как уже было отмечено, средний компонент по объему существенно меньше крайних. Следует ожидать, что второй и третий компоненты триады должны быть развернуты относительно своего описанного выше объема, чтобы сохранить параллелизм в пределах всего троичного единства формул.

Это развертывание достигается за счет корневого повтора распространителей второго и третьего компонентов триады на дальнейшем текстовом пространстве, организованном посредством очередного ряда императивных кон-

струкций: *Гладом же не морите ни наготою то бо суть домашнии твои убозии убоги ибо инде собе испросить а си в твои руке токмо зрить*. Троичный ряд *гладом не морите ни наготою...* >> *правым же помагаите* >> *грешныя милуйте* в первом элементе содержит значительное расширение. Упомянутые корневые повторы (*нагыя* >> *наготою*, *сиротъ домашнихъ* >> *домашнии твои*) связывают данную триаду с предыдущей и являются формулами, необходимыми для уточнения второго и третьего компонентов предыдущей триады. «Зависимый», вторичный относительно общей стратегии развертывания текста характер этого распространения подчеркивается введением его через посредство подчинительного союза *то бо суть*, а противительная конструкция с союзом *а* внутри этой «расшифровки» восполняет недостаточную развернутость второго и третьего компонента предыдущего троичного единства.

При раскрытии идеи в рамках градации «от конкретного, действенного» к «обобщенному, философско-богословскому» пониманию сути поста как явленного в практике милосердия движение текста задано и лексически: переходом от «домашних» к «странным» – в следующей троичной формуле.

В наставлении 3 и комментарии к нему фрагмент *Правым же помагаите* >> *грешныя милуйте* >> *странныя въ домъ свои введите* >> *вдовиць призираите* >> *в бедахъ суцая избавляите* >> *старца чтите попы и дьяконы яко служителя божия* можно понимать двояко: как линейную последовательность из шести компонентов либо (наше прочтение) как триаду с усложненным средним элементом. Во втором случае образ *грешныя милуйте* уточняется триадой *странныя – вдовиц – в бедахъ суцая* (мы сознательно обозначаем эту группу формул через распространители императивной формы, чтобы подчеркнуть возможность увидеть в этих трех прямых дополнениях гипонимы по отношению к гиперониму *грешныя*). Отношение «гипероним – гипоним» создается на уровне управляющих императивов в связке *милуйте: введите в дом – призираите – избавляите*. Соответственно, внешняя, более крупная триада опирается на отношение формул *правым помагаите – грешныя милуйте – старца чтите попы и*

дьяконы. В совокупности распространители данной триады формул представляют собой «странных = чужих» по сравнению с «домашними» из предыдущего наставления, чем организуется общее движение идеи текста. В пределах же анализируемого фрагмента именные распространители лексически реализуют противопоставление «праведные // неправедные // служители божии». Эта линейная фигура при восприятии слушателем превращается в треугольник, где личность слушателя находится в центре, а заданные именные распространители образуют вершины треугольника: «добро // грех // суд (суждение, но с перспективой Суда Божия)». Осмысление себя в составе двумерной системы отношений – главный смысловой фокус текста Слова, его кульминация.

Можно ожидать, что, достигнув кульминационной точки, движение к высокому, философскому пониманию идеи поста завершится. Действительно, следующие два фрагмента демонстрируют движение мысли по намеренному направлению, но с обратным вектором – через бытовое, личное к иллюстрации из Писания. Рассмотрим этот фрагмент.

В комментарии 4 (к наставлению 2): *Челядь же свою милуйте и учите на спасение и на покаяние* >> *старыя же на свободу отпуцаите бес потъкновения* >> *уныя же на послушание на добро поучайте*. Возврат к профанно-бытовому плану обеспечивается использованием прямых дополнений из лексической группы «домашние» (*челядь – старыя – уныя*), уже возникавшей на пути к кульминации текста. Второй и третий компоненты в этой группе подчинены первому как гипонимы, то есть имеют вторичную маркированность по сравнению с ним в составе триады: «и тех, в том числе». Единство на синтаксическом уровне задается тройным повтором союза *же*, единым порядком слов в составе формул (прямое дополнение в препозиции), гиперонимическая функция лексемы *челядь* подчеркнута удвоением форм императива – *милуйте и учите*. На словообразовательном уровне триаду объединяет использование во всех трех компонентах имен отвлеченного действия на *-ние*, а удвоение косвенного дополнения, выраженного именем отвлеченного значения, в первом и третьем компонентах создает «рамочную композицию» три-

ады в целом. Это еще не финаль, но уже приближение к ней: мысль развита совершенно, ее следует лишь завершить структурно в соответствии с развитием всей диспозиции *in medias res* – то есть образом из Писания.

Финаль Слова о посте выглядит так: *Яко же Аврамъ каза от разбоя и татьбы их* (топос – Бытие 13:8). Это очередная рамочная структура в композиции Слова: союзное средство объединяет данный библейский образ с формулой *яко же Моисей и яко Илья постомъ и молитвою огонь угасиша* из начала главной части текста. Дополнительным грамматическим средством объединения данных фрагментов является повтор формы аориста. Распространителей – косвенных дополнений в родительном падеже – в финале текста не три, а два: *от разбоя и татьбы их*. Это не разрушение триады, а ее восстановление, если продолжить сравнение начальной и финальной библейских тем: в начальном фрагменте распространитель одиночный.

Другие тексты сборника также демонстрируют сходные модели организации, опирающиеся на структурную триаду того или иного «формата» и соотносимые с риторической концепцией *in medias res*. К сожалению, объем данной работы не позволяет привести полностью все эти текстовые структуры.

Ближе к модели *ab ovo* оказывается повествование в текстах № 4, 5, 8, 11, 12, 15, 16, 17 прежде всего за счет их малого объема и конкретности содержания, реализуемой в одной-двух условных синтаксических конструкциях с союзами *аще ли... то* и *егда*, создающими впечатление прямого хронологического порядка мыслей, наличия сюжета, однако и здесь эта модель не выдерживается последовательно.

Итак, можно предположить, что Слово как жанр древнерусской учительной прозы характеризуется в плане диспозиции моделью выстраивания текста с вынесением следствия (а не причины) на первое место и последующим его объяснением – моделью, описанной в риторике как модель *in medias res*. Языковые средства, обслуживающие данную модель, могут быть восприняты как источники инструментария «стиля плетения словес» в совокупности его основных характеристик, в частности как «триада языковых средств».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При цитировании используется свободная нумерация текстов в порядке их следования в сборнике. Текст «Чада моя милая первое имейте веру праву к Богу отца и Сына и Святаго Духа...» (На поучение всем христианом, л. 1в) обозначается как «Текст № 1», текст «Суседа же не обидите и не отемлите земли его...» (Слово о суседе, л. 2в) – как «Текст № 3» и т. д. В некоторых случаях используются традиционные названия – по заглавию или по зачину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е. В. Ключев. – М. : ПРИОР, 2001. – 271 с.
2. Матхаузерова, С. Древнерусские теории искусства слова / С. Матхаузерова. – Praha : Univerzita Karlova, 1976. – 145 s.

ИСТОЧНИКИ

Златая цепь (по Троицкому списку): Тексты. Исследования. Комментарии. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2002. – 201 с.

THE SPECIFICS OF THE TEXT STRUCTURE OF THE RHETORICAL GENRE “SPEECH-SERMON” (DISPOSITION)

D.R. Kuposov

The creative mechanics of the sacral rhetorical text is described as a “triadic sequence”. The main language means and methods are revealed via implementing the above mentioned sequence. Sources of the “words weaving” style in Russian literature are supposed to be found.

Key words: *text structure, speech-sermon, oratorical prose, triad, text formula, means of linguistics, cohesion, exposition concepts.*